И. И. Янжулъ.

ВОСЬМИЧАСОВОЙ ТРУДЪ

НА

РУССКИХЪ ФАБРИКАХЪ

И

ЗАВОДАХЪ.

«Тише ѣдешь, дальше будешь».
«Поспѣшишь.—людей насмѣшишь»'
Русскія поговорки.

Книгоиздательство
„ДРУЗЕЙ СВОБОДЫ И ПОРЯДКА“.

О 65.

М. С. П. о Н. 1
ЧИТАЛЬНЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, домъ № 4.
1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Января 1906 г

Восьмичасовой трудъ на русскихъ фабрикахъ и заводахъ [1]).

Распоряженіе совѣта рабочихъ депутатовъ относительно 8-часового рабочаго дня. Зависимость нормы рабочаго дня отъ производительности труда. —Анализъ производительности труда.—Хорошее питаніе, искусство (образованіе) рабочаго и нравственныя его качества — три важнѣйшія условія интенсивности труда — Россія во всѣхъ трехъ отношеніяхъ стоитъ ниже всего культурнаго міра.—Свидѣтельства германскихъ ученыхъ о причинахъ малоуспѣшности русскаго фабричнаго труда.—Путь, по которому шло сокращеніе рабочаго дня въ наиболѣе передовыхъ промышленныхъ странахъ.—Невозможность производить экономическія реформы «по щучьему велѣнію».

Какъ извѣстно, въ ноябрѣ прошедшаго года (1905 г.) многіе рабочіе изъ петербургскихъ, а отчасти и изъ московскихъ фабрикъ поторопились самовольно ввести у насъ, неспрашивая согласія своихъ хозяевъ (до такой степени были увѣрены въ успѣхѣ), восьмичасовой терминъ труда. Попытка эта, однако, потерпѣла пораженіе. Когда рабочіе, несмотря на протестъ фабричной администраціи, продолжали настаивать на своемъ, фабрики и заводы одни за другими начали закрываться, чему способствовало естественное противодѣйствіе хозяевъ, утомленныхъ непрестанными забастовками. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, власть нынѣ распоряжающаяся у насъ судьбами рабочихъ, не захотѣла, однако сложить оружіе и даже сознаться въ неудачѣ; совѣтъ приписалъ неуспѣхъ этотъ «упорному сопротивленію объединенныхъ капиталистовъ» (?) и «стремленію правительства выступить на защиту капитала» (?) поэтому, петербургскіе рабочіе, отдѣльно отъ рабочихъ всей страны, по мнѣнію совѣта рабочихъ депутатовъ, не могутъ сейчасъ осуществить его постановленія и онъ рѣшилъ временно пріостановить его, т. е. остановить введеніе восьмичасового дня, а равно и «захватное» введеніе ими девятичасового дня. «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ считаетъ необходимымъ, на ряду съ повсемѣстной агитаціей и организаціей рабочихъ, использовать, между прочимъ, предстоящій въ Москвѣ съѣздъ рабочихъ организацій для того, чтобы придать борьбѣ за восьмичасовой рабочій день всероссійскій характеръ» (?!).

Такъ пишется иногда исторія, а дѣйствительность говоритъ совсѣмъ другое. Распоряженіе совѣта рабочихъ депутатовъ о восьмичасовой работѣ не удалось, конечно, въ силу не тѣхъ причинъ, которыя

---

[1]) Перепечатка съ дополненіями изъ «Торгово-Промышленной Газеты», № 257, отъ 1 Декабря 1905 г.

ими выставлены, а благодаря условіямъ, лежащимъ въ самомъ существѣ дѣла. Нельзя никакія серьезныя экономическія реформы совершать «по щучьему велѣнью, а моему хотѣнью», какъ говорится въ русскихъ сказкахъ: для послѣдняго напротивъ требуется цѣлый рядъ благопріятныхъ факторовъ: такая реформа зависитъ отнюдь не отъ личного произвола однихъ рабочихъ, а подчиняется извѣстнымъ законамъ, преступить которые невозможно. Количество и достоинство промышленныхъ продуктовъ зависитъ отъ наличности слѣдующихъ трехъ факторовъ:

1) длины времени труда,
2) качества труда, и
3) качества орудій производства.

Длина времени труда на фабрикѣ для промышленника является почти безразличной при одномъ лишь непремѣнномъ условіи—при правильномъ взаимоотношеніи длины рабочаго времени къ производительности труда, т. е. чтобы рабочій вознаграждался по существующимъ рыночнымъ цѣнамъ на трудъ вполнѣ точно и соразмѣрно количеству и качеству приготовленнаго имъ въ данное время продукта. Трудится-ли рабочій 8 часовъ, или 15 — для хозяина это почти одинаково, если только единица продукта обходится ему въ первомъ случаѣ не дороже второго, такъ какъ при короткомъ срокѣ труда—даже меньше тратъ на разные дополнительные расходы и самая работа можетъ совершаться чище. И такъ все рѣшеніе дѣла о длинѣ работы сводится къ вопросу о производительности труда, т. е. чтобы рабочій за свой трудъ вознаграждался вполнѣ соразмѣрно его усиліямъ и искусству. Что-же по этому поводу говоритъ наука и каждодневное наблюденіе за практикой труда? Оказывается, что производительность труда чрезвычайно разнообразится какъ по различнымъ странамъ и народамъ, такъ и для одного и того-же народа въ разное время его исторіи. Это разнообразіе условій производительности или «интенсивности» (техническое ея названіе) труда опредѣляется двумя видами причинъ: такими, во первыхъ, которыя могутъ зависѣть частью отъ воли самихъ рабочихъ и такихъ причинъ, которыя совершенно независимы отъ желанія рабочихъ, или иначе находятся внѣ ихъ воли.

Наиглавнѣйшее мѣсто занимаетъ первая категорія причинъ, — которыя иногда, по крайней мѣрѣ, зависятъ отъ воли рабочаго: условія производительности труда лежатъ глубоко въ физическихъ, умственныхъ и моральныхъ качествахъ человѣка. Такимъ образомъ, первыми требованіями для успѣшности работы, а черезъ то и возможности сокращенія ея продолжительности являются:

1) физическія силы и отсюда энергія труда рабочаго,
2) его искусство или умственная и профессіональная подготовка, и
3) его нравственныя качества, т. е. прилежаніе, трудолюбіе, трезвость, аккуратность и т. д.

Чѣмъ больше всѣ эти условія скомбинированы, соединены вмѣстѣ,

тѣмъ трудъ даннаго рабочаго выше и производительнѣе, а, слѣдовательно, такой рабочій и при сокращенномъ срокѣ труда, предполагая остальныя одинаковыя условія, выработаетъ въ данную единицу времени большее количество продуктовъ.

И такъ, *первое* мѣсто для интенсивности или производительности труда занимаетъ слѣдовательно, *физическая сила рабочаго*, понимая, притомъ подъ ней, какъ объясняетъ извѣстный физіологъ проф. Форстеръ, «не одну только силу мускуловъ, но также состояніе нервной системы, а также сердца, легкихъ и вообще всего тѣла». Нервная энергія составляетъ спеціальный моментъ въ данномъ случаѣ по той причинѣ, что утомленіе, по мнѣнію физіологовъ, является актомъ болѣе нервнаго, чѣмъ мускульнаго происхожденія. Народъ, который наилучше питается, потребляетъ наибольшое количество мяса, имѣетъ всѣ шансы на большую физическую силу и другія условія, содѣйствующія наибольшей производительности работы и имѣетъ болѣе короткіе часы работы; такимъ народомъ въ Европѣ, какъ можно это доказать тысячами опытовъ и наблюденій приводимыхъ различными авторами, являются англичане, интенсивность работы которыхъ во многихъ случаяхъ превосходитъ всѣхъ остальныхъ. Брассей, отецъ настоящаго лорда Томаса Брассей, знаменитый желѣзнодорожникъ, одинъ изъ первыхъ построившій множество желѣзнодорожныхъ линій во всемъ свѣтѣ, на основаніи продолжительнаго опыта двухъ поколѣній, установилъ несомнѣнный фактъ превосходства англичанъ передъ большинствомъ другихъ націй въ смыслѣ интенсивности ихъ труда. Такъ, при постройкѣ парижско-руанской желѣзной дороги, для которой онъ пользовался трудомъ 4,000 англичанъ и 6,000 французовъ, тщательно наблюдая и записывая сравнительные результаты выгодности ихъ труда и производительной способности двухъ націй, Брассей пришелъ къ общему заключенію, что три англичанина при одинаковыхъ условіяхъ выполняютъ работу четырехъ французовъ, а въ нѣкоторыхъ видахъ труда и того больше; такъ англійскій землекопъ вырабатывалъ за день вдвое больше французскаго, хотя длина его рабочаго времени была на два часа короче. Несмотря на то, что англичанинъ получалъ болѣе, чѣмъ вдвое противъ француза, первый—для хозяина, все-таки былъ выгоднѣе, ибо послѣ тяжелой работы оставался свѣжѣе и способнѣе на сверхурочный трудъ, когда это могло понадобиться по какимъ нибудь крайнимъ соображеніямъ; поэтому Брассей-отецъ употреблялъ на своихъ дорогахъ на нѣкоторыя работы, какъ напр., минныя и туннельныя, исключительно англичанъ и дѣлалъ это даже въ Италіи, гдѣ существуютъ сравнительно хорошіе рабочіе по этой части: такъ, самая непріятная часть туннельной работы— рытье въ глиняныхъ слояхъ— всегда оказывалась по силамъ только англійскимъ рабочимъ [1]). По своей физической силѣ англичане едва-ли не превосходятъ даже своихъ

[1]) Work and Wages by Thomas Brassey London. 1872, (стр. 118—140).

американскихъ кузеновъ; по крайней мѣрѣ, извѣстный американскій дѣятель по желѣзодѣлательной промышленности Howitt говоритъ: «Когда мы нуждаемся въ соединеніи большой силы рабочаго съ его искусствомъ, мы всегда беремъ для работы англичанина».

Извѣстный г. Мунделла промышленникъ и членъ британстаго парламента, имѣвшій фабрики въ разныхъ странахъ, сообщаетъ, что вообще работу разныхъ національностей на континентѣ Европы онъ считаетъ, сравнительно съ работой англичанъ, настолько менѣе производительной, что трудъ пяти лицъ (напр. нѣмцевъ), онъ приравниваетъ труду трехъ англичанъ. Точно также въ Австраліи, въ Мельбурнѣ, каждый привозный изъ Англіи рабочій на кирпичномъ заводѣ выдѣлывалъ кирпичей въ полтора раза больше, чѣмъ нѣмецъ. Вообще хорошее питаніе англичанъ и, между прочимъ, большее количество мяса, ими потребляемое, сказывается въ значительно большей ихъ силѣ и энергіи, дающихъ имъ превосходство передъ другими націями; на каждаго англичанина потребленіе мяса своего и привознаго превышаетъ 115 ф. въ годъ на голову всего населенія, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ Европы оно значительно меньше. Даже временное увеличеніе питанія немедленно отражается на интенсивности труда; такъ тотъ-же м-ръ Брассей сообщаетъ изъ своей желѣзнодорожной практики, что когда ему случалось употреблять земледѣльческихъ рабочихъ (вообще хуже питающихся) для земляныхъ работъ, то первоначально къ тремъ часамъ пополудни эти рабочіе такъ истощались и уставали, что не годились дальше; но послѣ нѣсколькихъ дней труда, получая въ новомъ для нихъ дѣлѣ лучшій заработокъ и возможность ѣсть лучше, они быстро догоняли другихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и черезъ нѣсколько времени уже ихъ трудъ по своей производительности ничѣмъ почти не отличался отъ обычныхъ желѣзнодорожныхъ землекоповъ. То же положеніе блестяще подтверждается на ирландскихъ рабочихъ, извѣстныхъ своею бѣдностью и дурнымъ питаніемъ. У себя дома они работаютъ очень плохо и непроизводительно, такъ что по показаніямъ нѣкоего промышленника Фокса передъ одной парламентской коммиссіей, онъ, какъ правило, платилъ въ Манчестерѣ—въ Англіи рабочимъ на 20% больше, чѣмъ ирландцамъ въ Коркѣ; но когда приходилось ему переводить ирландскихъ рабочихъ въ Англію, гдѣ они больше получали и лучше питались, то обѣ партіи быстро сравнивались въ качествѣ работы. То же утвержденіе повторяютъ англійскіе желѣзодѣлательные предприниматели Монби и Вильсонъ, которые основали заводъ во Франціи въ Шарантонъ. По ихъ словамъ, французы сначала работали гораздо хуже своихъ товарищей, вывезенныхъ изъ Англіи, и исполняли лишь меньшіе уроки; тогда хозяева, подозрѣвая, что это происходитъ отъ сравнительно худшаго ихъ питанія, прямо употребили мѣры, чтобы дать возможность французамъ ѣсть такъ же хорошо и такъ же много мяса, какъ англичане и въ результатѣ французскіе рабочіе, благодаря улучшенію питанія, догоняли

по производительности труда англійскихъ и стали вырабатывать одинаковое количество желѣза.

Итакъ, можно считать несомнѣннымъ фактомъ, что физическая сила является крайне важнымъ условіемъ для производительности труда во всѣхъ видахъ промышленности, гдѣ сила имѣетъ особое примѣненіе, и что отъ хорошаго питанія даже физическая сила возрастаетъ и съ ней увеличивается производительность труда. Безполезно приводить ненужныя доказательства, что русскій рабочій питался и питается несравненно хуже не только англичанъ, но и всѣхъ остальныхъ европейцевъ. Благодаря бѣдности и множеству постовъ, еще соблюдаемыхъ народомъ, потребленіе мяса ничтожно—даже для однихъ лишь взрослыхъ рабочихъ рѣдко превосходитъ $^1/_2$ ф. въ день на человѣка, кромѣ немногихъ отраслей труда, требующихъ крупнаго напряженія силъ. Многіе изъ русскихъ, какъ извѣстно, видятъ мясо лишь нѣсколько разъ въ году и потому уже по этой причинѣ русская производительность труда стоитъ на весьма ничтожномъ уровнѣ, а вслѣдъ затѣмъ и сокращеніе рабочаго времени можетъ идти лишь постепенно, съ ходомъ значительнаго поднятія заработка и улучшенія питанія рабочаго класса, для чего, разумѣется, потребуются цѣлые годы и чего нельзя сдѣлать сразу никакими распоряженіями совѣта рабочихъ депутатовъ...

Тотъ же Брассей сообщаетъ, по свидѣтельству главнаго англійскаго инспектора Ретгрева (очевидно о московскихъ фабрикахъ 80-хъ годовъ), что въ Россіи тогда работали 150 часовъ въ недѣлю двумя смѣнами и получали такое количество продуктовъ, для котораго въ Англіи достаточно 60 часовъ работы въ недѣлю безъ смѣны; но зато въ Англіи многіе ткачи работали одновременно четырьмя станками, а въ Россіи нигдѣ не больше, какъ двумя: въ Россіи за каждой прядильной мюль-машиной наблюдаетъ одинъ рабочій съ двумя присучальщиками-мальчиками, въ Англіи то же для двухъ машинъ и т. д., при этомъ самая быстрота машинъ на русскихъ фабрикахъ на одну треть меньше, чѣмъ на англійскихъ. Понятно изъ этихъ примѣровъ, почему въ Англіи работа короче, а заработная плата гораздо выше, чѣмъ въ Россіи.

Такимъ образомъ, хорошее питаніе и, какъ его результатъ, значительная физическая сила, составляетъ первое условіе интенсивной работы; въ свою очередь, хорошее питаніе возможно только при возвышенной платѣ, выше той, которую получаютъ у насъ и притомъ — за болѣе производительный трудъ. Итакъ, образуется какъ бы заколдованный кругъ. интенсивный трудъ, (вродѣ англійскаго), возможенъ лишь при большей физической силѣ и высокой платѣ, нужной для хорошаго питанія, а, въ свою очередь, высокая плата и, слѣдовательно, хорошая пища для рабочаго осуществимы лишь при интенсивности труда... Гдѣ же исходъ? Очевидно, измѣненіе, въ смыслѣ сокращенія времени, возможно лишь *постепенно*, а не сразу «по щучьему велѣнью»; тѣмъ болѣе что и другія условія, вліяющія на производительность труда, входятъ въ

жизнь и получаютъ практическое осуществленіе опять таки постепенно и даже медленнѣе, нежели ростъ заработной платы и улучшеніе питанія.

Второе условіе для мѣрки интенсивности или производительности труда составляетъ *искусство рабочаго*, которое зависитъ какъ отъ уровня его общаго образованія, такъ и отъ его технической подготовки, умственнаго развитія и ручной ловкости. Излишне здѣсь говорить, что по слабости общаго и профессіональнаго нашего образованія и, прямо сказать, по невѣжеству русскаго народа и въ этомъ отношеніи наша интенсивность или производительность должна быть много слабѣе, почему и разсчитывать на короткую продолжительность работы русскій трудъ имѣетъ мало основаній. Какъ всѣмъ извѣстно, по народному образованію Россія занимаетъ, къ стыду ея, одно изъ послѣднихъ мѣстъ и у насъ чуть-ли не три четверти населенія безграмотныхъ, тогда какъ вообще въ наиболѣе промышленныхъ странахъ свѣта, какъ Германія, Англія и Америка — почти всѣ грамотны. Самая школа на Западѣ лучше удовлетворяетъ своему назначенію, болѣе развиваетъ и подготовляетъ человѣка къ дальнѣйшему воспріятію спеціально профессіональныхъ знаній; такъ въ Европѣ и особенно въ Америкѣ все болѣе и болѣе распространяется въ школахъ т. наз. «ручной трудъ» (Manual Training, Slojd), дающій подготовку рукѣ и глазу каждаго ученика въ цѣляхъ дальнѣйшаго ремесленнаго и промышленнаго образованія. Среднія и низшія спеціальныя школы разсѣяны по всякой европейской странѣ; самые разнообразные виды труда даже мелкаго, (не говоря о крупныхъ отрасляхъ промышленности), какъ трудъ печниковъ, парикмахеровъ, трубочистовъ и даже домашней прислуги имѣютъ въ Европѣ свои спеціальныя школы!..

Ничего подобнаго вышеприведенному у насъ, конечно, не существуетъ, а если что и дѣлается, то лишь въ видѣ слабыхъ попытокъ и опытовъ, а потому—при меньшемъ образованіи, худшей технической подготовкѣ, Россія не можетъ, разумѣется, и разсчитывать на одинаковаго качества трудъ. Нашъ рабочій, надо признаться съ горечью,—хуже европейскихъ, въ среднемъ, во всѣхъ отношеніяхъ и по физической силѣ и по своему искусству и, главное, по своему общему образованію.

Вотъ что, напр. говоритъ о причинахъ малоуспѣшности русскаго фабричнаго труда д-ръ Эрнстъ Шульцъ, извѣстный нѣмецкій педагогъ въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи по народному образованію [1]).

«Почему, спрашиваетъ онъ, «русская хлопчатобумажная промышленность, не въ состояніи конкурировать съ нѣмецкой или англійской, хотя заработная плата у русскихъ отъ двухъ до пяти разъ ниже?!» «Потому», отвѣчаетъ онъ, «что *русскій рабочій* по сравненію съ нѣмецкимъ, и англійскимъ *слишкомъ необразованъ* и вслѣдствіе своей не-

[1]) Die Volksbildung im Alten und neuen Jahrhundert. Von Dr. Ernst Schultze. 1900. Hamburg. Стр. 16 и д.

развитости—не въ состояніи понять связь своей частичной работы съ цѣлымъ процессомъ производства». «Въ высшей степени характерно» продолжаетъ Шульце, «что русскіе рабочіе даже при значительно большемъ персоналѣ не способны обслуживать такихъ крупныхъ производительныхъ машинъ, какъ нѣмецкіе и англійскіе рабочіе, что русскій нуждается въ гораздо большемъ количествѣ надсмотрщиковъ и что онъ менѣе въ то же время доставляетъ работы и больше тратитъ матеріала. Послѣднее вообще составляетъ *общепризнанный фактъ, что необразованный рабочій больше растрачиваетъ матерьяла и менѣе даетъ производительнаго труда, нежели образованный*»... Далѣе авторъ приводитъ еще цѣлый рядъ указаній, что, кромѣ прочаго, русскій рабочій, какъ необразованный, теряетъ много на медленности, *тратитъ больше времени* на остановку машины, чтобы присучивать напр. нитки, пускать ее въ ходъ и т. п.

Конечно, всѣ вышеприведенныя условія — невѣчны: вмѣстѣ съ улучшеніемъ его экономическаго быта, болѣе энергичными заботами государства и общества, физическая сила нашего рабочаго, благодаря лучшему питанію и лучшей санитарной обстановкѣ, должна возрастать. Такъ же точно, благодаря развитію образованія и дѣйствительному распространенію его въ массѣ народа, должна подняться умственная жизнь и профессіональная подготовка нашихъ рабочихъ, что пріобрѣтается, разумѣется лишь медленнымъ путемъ, а не одной привычкой къ чтенію забористыхъ газетъ, что теперь такъ распространяется между рабочими. Политическая жизнь съ ея свободой печати и рѣчи несомнѣнно улучшаетъ общія условія существованія, но не даетъ собственно самому рабочему никакихъ особенныхъ выгодъ въ смыслѣ развитія его трудоспособности.

Наконецъ *третье* условіе представляютъ собой *нравственныя качества рабочаго*: прилежаніе, заботливость, трудолюбіе, трезвость и т. д., которыя также причисляются къ тѣмъ добродѣтелямъ, которыя обусловливаютъ интенсивность или продолжительность труда и даютъ возможность сокращать время труда рабочаго и увеличивать его заработокъ; другими словами, эти качества рабочаго облегчаютъ благопріятное разрѣшеніе вопроса о восьмичасовомъ трудѣ. Излишне, однако, говорить, что и въ этомъ отношеніи русскій рабочій во многомъ еще отстаетъ отъ своего иностраннаго собрата и требуется значительное измѣненіе его культуры, чтобы онъ могъ состязаться по любви и привычкѣ къ труду, трезвости, аккуратности и заботливости съ нѣмцемъ, французомъ или англичаниномъ. Государство съ наиболѣе высокой заработной платой является въ то же время и страной съ повышенной производительностью труда; но экономическая исторія, какъ и всякая, отнюдь не идетъ скачками и требуются годы, чтобы измѣнить оба указанныхъ условія, т. е. чтобы трудъ сократился при высшей платѣ и совершается это весьма медленно. Такъ, на основаніи извѣстнаго сочи-

ненія Гетчинса и Гаррисона по исторіи фабричнаго законодательства, въ 1829—31 годахъ количество часовъ труда на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ Великобританіи съ 69 часовъ въ недѣлю и даже болѣе спустилось постепенно къ 1891—93 гг. на $56^1/_2$, т. е. время труда уменьшилось примѣрно на $^1/_7$, между тѣмъ какъ производительность труда выросла за это время на много разъ больше; такъ, въ первый періодъ требовалось 14 рабочихъ на 1.000 веретенъ, а въ послѣдній 4,87, т. е. въ три раза меньше; если же принять во вниманіе размѣръ выработки на каждаго рабочаго въ годъ, то въ первый указанный періодъ—60 лѣтъ тому назадъ—на одного рабочаго приходилось 1,546 фунтовъ производимой пряжи въ годъ, а нынѣ 6.662 ф., т. е. болѣе, чѣмъ въ четыре раза, настолько слѣдовательно интенсивность работы и техническое совершенство орудій производства увеличилось. Между тѣмъ этотъ весь могучій прогрессъ привелъ къ увеличенію недѣльной заработной платы англійскаго прядильщика лишь отъ 10 шилл. 6 пенс. въ первый указанный періодъ до 19 шиллинговъ во второй, т. е. меньше, чѣмъ вдвое, а время труда за этотъ періодъ уменьшилось, какъ было выше сказано, всего лишь на $^1/_7$ своего прежняго размѣра. И отъ этого то огромнаго успѣха производства львиную долю получили хозяева и для столь малаго успѣха въ сокращеніи производительности рабочаго труда потребовалось цѣлыхъ 60 лѣтъ! А у насъ рабочіе съ 11—12 часовъ работы мечтаютъ прямо и сразу «по щучьему велѣнью» перескочить на восьмичасовой терминъ ежедневнаго труда!..

Насколько повсемѣстно, въ цѣломъ мірѣ, условія интенсивности труда не соотвѣтствуютъ послѣднему термину (т. е. восьмичасовому ежедневному труду), можно судить уже потому, что онъ вездѣ является только гостемъ или исключеніемъ на отдѣльныхъ производствахъ или фабрикахъ, почему нибудь особенно благопріятно поставленныхъ, или въ казенныхъ учрежденіяхъ, гдѣ прибыль отходитъ на второй планъ, и хозяйство прямо ведется съ большимъ или меньшимъ пожертвованіемъ, какъ напр. у насъ на нѣкоторыхъ казенныхъ заводахъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, терминъ спускается даже ниже восьми часовъ. Въ дѣйствительности же напр. у нашей сосѣдкѣ Германіи господствующій терминъ ежедневной работы, по словамъ извѣстнаго статистика Виктора Бомерта, можетъ считаться отъ 9—11 часовъ въ день, причемъ недавно срокъ этотъ былъ еще длиннѣе. Д-ръ Гиршбергъ, глава городского статистическаго бюро въ Берлинѣ, объявляетъ въ своемъ отчетѣ, что въ промышленныхъ заведеніяхъ этого города господствующимъ терминомъ ежедневной работы можетъ считаться 10 часовъ; даже въ далекой Америкѣ, гдѣ плата рабочихъ высока, какъ нигдѣ, и повидимому есть на лицо всѣ условія для сокращенной работы, тѣмъ не менѣе согласно позднѣйшему отчету американскаго министерства труда, за 1904 годъ, онъ (терминъ), какъ правило, можетъ считаться 10 часовъ въ день и даже больше, а во мно-

гихъ промыслахъ онъ до сихъ поръ—11 и даже выше часовъ [1]); въ Англіи чаще всего встрѣчается опять таки 10 часовъ въ день, кромѣ субботы, которая считается по закону полупраздникомъ и работа сокращается на половину. И такъ даже европейскій и американскій рабочій за немногими исключеніями, несмотря на агитацію, которая тщетно ведется тамъ еще съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія за восьмичасовой трудъ, кромѣ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ заведеній, не могутъ добиться ни путемъ стачекъ, ни переговоровъ и мирнаго соглашенія съ хозяевами и этого термина и, какъ правило, повсюду господствуетъ болѣе длинный срокъ работы! Что же сказать послѣ этого о Россіи, которая во всѣхъ трехъ условіяхъ производительности труда, какъ мы доказывали выше, стоитъ ниже всего культурнаго міра, т. е. русскій рабочій физически менѣе силенъ, менѣе образованъ, искусенъ и, въ цѣломъ далеко не отличается такимъ трудолюбіемъ и трезвостью, какъ его собратья въ Западной Европѣ и Америкѣ?! Но мало того, не слѣдуетъ забывать, что у насъ число праздниковъ гораздо большое и въ то время, когда въ Англіи все ихъ количество меньше 60, а въ другихъ протестантскихъ странахъ не выше 65 и даже въ католическихъ—ниже 90, у насъ въ Россіи по отдѣльнымъ мѣстностямъ количество въ году общихъ праздниковъ (съ воскресеньями) превосходитъ 100, а часто даже выше. Кромѣ того и условія, зависящія отъ воли рабочихъ, именно—качество машинъ и самая возможность быстроты ихъ работы въ Россіи несравненно ниже, чѣмъ въ Европѣ. До сихъ поръ для приготовленія многихъ наиболѣе сложныхъ машинъ, каковы прядильныя и мн. др., мастерскія имѣются исключительно только заграницей, напр. въ Англіи, и находятся въ рукахъ той или иной фирмы, назначающей произвольную цѣну: поэтому, какъ правило, машины на нашихъ русскихъ заводахъ далеко не замѣняются такъ часто новыми—болѣе совершенными, какъ это имѣетъ мѣсто въ Западной Европѣ. Очень нерѣдко русскія фабрики довольствуются такими машинами, которыя уже отработали свой вѣкъ гдѣ-нибудь въ Англіи или Германіи и поступаютъ въ руки нашихъ промышленниковъ по удешевленной цѣнѣ: высокій таможенный тарифъ дѣлаетъ возможнымъ эту махинацію и у насъ, особенно въ отдаленной провинціи, можно встрѣтить такія машины, которыя въ Европѣ по временамъ встрѣчаешь лишь въ музеяхъ, или которыя давно бы тамъ пошли на сломъ!!

Наконецъ не надо забывать климатическихъ особенностей Россіи—эти рѣзкіе переходы отъ очень холодной зимы къ жаркому лѣту, которые несомнѣнно остаются не безъ вліянія на нашъ національный характеръ, отличающійся недостаткомъ упорства и устойчивости въ трудѣ. Обратно съ народами умѣреннаго климата Европы, русскіе—неровны въ работѣ:

[1]) An History of Factory Legislation by Hutchins and Harrison, red. Sydney Webb (1 ч. ст. 33).

См. Progress of the German Working Classes by W. J. Ashley, 1904, стр. 128 и далѣе, также Report of the Commissioner of Labor 1904. Wages and Hours of Labor. Washington. 1905. Стр. 28 и пр

или способны иногда на короткое время къ крайнему напряженію силъ, къ работѣ до 18 часовъ въ сутки, за то наклонны продолжительное время къ совершенному бездѣлью... Вотъ что напр. говоритъ по этому поводу извѣстный нѣмецкій экономистъ Шульце-Геверницъ въ своемъ изслѣдованіи Московско-Владимірской хлопчатобумажной промышленности: «Значительная часть русскихъ рабочихъ», сообщаетъ онъ, «на большей части фабрикъ весной ихъ покидаетъ, имѣя несуществующій въ Европѣ Пасхальный вакатъ, болѣе чѣмъ на недѣлю. Многіе рабочіе совсѣмъ послѣ этого праздника не возвращаются на ту же фабрику и ихъ мѣсто занимаютъ новички, которымъ надо учиться и которые своимъ незнаніемъ и неумѣлой сначала работой препятствуютъ росту общей работоспособности фабрики, что на Западѣ является важнѣйшей стороной промышленнаго успѣха. Эти новички зря расходуютъ матерьялъ и утомляются ранѣе, нежели старые опытные рабочіе... Какъ всѣмъ извѣстно, русскій рабочій большею частью своей жизни блуждаетъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного производства переходя къ другому, отъ промышленности къ земледѣлію и обратно: поэтому его по справедливости можно назвать, какъ и сдѣлалъ одинъ французъ «фабричнымъ номадомъ»; онъ, такъ сказать, несростается съ машиной и невыучивается овладѣть всѣми ея скрытыми силами. Этимъ то и объясняется что многія отрасли промышленности, въ Европѣ давно принявшія фабричный характеръ, въ Россіи существуютъ въ формѣ кустарнаго (домашняго) производства, которое, несмотря на свой низкій технический уровень, еще успѣшно конкурируетъ съ фабричнымъ».

Весьма естественно, послѣ всѣхъ приведенныхъ объясненій, что распоряженіе настоящихъ главарей нашихъ рабочихъ объ обязательномъ введеніи на русскихъ фабрикахъ восьмичасового термина является скороспѣлымъ плодомъ лишь книжнаго доктринерства, неоснованнымъ ни на какихъ возможныхъ для осуществленія условіяхъ русской промышленности. Экономическая исторія, повторяемъ, не двигается скачками, а лишь медленно и постепенно, и если придется еще долго ждать, когда у болѣе сильныхъ, ловкихъ, образованныхъ и прилежныхъ рабочихъ Западной Европы и Америки восьмичасовой трудъ сдѣлается общераспространеннымъ правиломъ, а не исключеніемъ, какъ нынѣ и лишь тогда только, не раньше, мы, русскіе, вышедшіе на историческую арену экономической борьбы позже всѣхъ, въ состояніи будемъ съ нѣкоторымъ основаніемъ требовать и для себя восьмичасовой продолжительности фабричной работы. До тѣхъ же поръ подобное требованіе, нынѣ такъ легкомысленно выставленное, какъ несоотвѣтствующее всѣмъ необходимымъ условіямъ интенсивности работы, принося косвенно крупный вредъ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ и хозяевамъ и рабочимъ, въ сущности представляетъ собой только одно толченіе воды... И если даже завтра закономъ установится въ Россія подобная норма труда, то это лишь увеличитъ количество бумажныхъ законовъ, никогда и нигдѣ у насъ неисполняемыхъ, которыми Россія, къ своему несчастью, и такъ изобилуетъ!...